

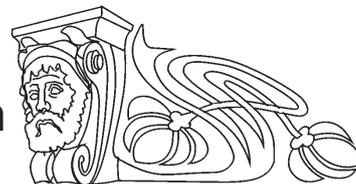

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 393–397
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 393–397
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA

Научная статья
УДК 111.5

От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века

Р. В. Пеннер

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76

Пеннер Регина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме настраивания исследовательской оптики в направлениях видения и понимания человека, социума и внешнего мира. С эпохи Просвещения фундаментом для подобной оптики являлась идея субъектности. В XXI в. на место субъекта претендуют множество агентов, которые не обладают человеческой природой. **Теоретический анализ.** Помимо природы как таковой и организмов, ее населяющих, роли агентов сегодня выполняют техника и технологии, в том числе цифровые. С целью проследить развитие идеи агентности в социальных и гуманитарных дискурсах автор опирается на концепции современных ученых, которые реализуют свои исследования в рамках так называемой «квир»-тематики (постчеловек Р. Брайдотти, виды-компаньоны Д. Харауэй и А. Цин, агентность и интраактивность К. Барад). **Заключение.** Следуя постгуманистической логике, современный мир может быть воспринят в качестве гладкого, гетерогенного пространства (Ж. Делез). В этой «гладкости» становится все сложнее выделить тот или иной элемент, что способен выполнять функцию структурирующего начала, иерархизирующий внешнее. Формулируется вывод о том, что понимание человека, социума, природы и техники сквозь призму агентности позволит уточнить исследовательскую оптику в контексте социальных и гуманитарных дискурсов.

Ключевые слова: агентность, субъектность, социум, природа, техника, цифровые технологии, цифровая антропология

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Для цитирования: Пеннер Р. В. От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 393–397. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the 21st century

R. V. Penner

South Ural State University (National Research University), 76 Lenin prospekt, Chelyabinsk 454080, Russia,

Regina V. Penner, pennerrv@susu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3277-7274>

Abstract. Introduction. The article is focused on the problem of tuning research optics in the directions of vision and understanding a subject, society and the whole world. Since the Age of Enlightenment, the idea of subjectivity has been the foundation for such optics. In the 21st century the place of the subject is claimed by multiple agents that do not have a human nature. **Theoretical analysis.** In addition to nature as such and the organisms inhabiting it, the role of agents today is being played by instruments and technologies, including digital technologies. In order to trace the development of the idea of agency in social and humanitarian discourses, the article is based on the concepts of modern authors who carry out their research within the framework of the so-called queer theory (posthuman by R. Braidotti, companion species by D. Haraway and A. Tsing, agential realism and intraactivity by K. Barad). **Conclusion.** In posthumanistic logic, the contemporary world can be perceived as a smooth, heterogeneous space (G. Deleuze). In this “smoothness” it becomes more and more difficult to single out one or another element that is capable of performing the function of a structuring beginning, hierarchizing the external. The article concludes that the understanding of a person, society, nature and technology through the agential prism will clarify research optics in the context of social and humanitarian discourses.

Keywords: agents, subjectivity, society, nature, technology, digital technologies, digital anthropology

Acknowledgements: The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young scientists-PhDs МК-2592.2022.2 “Digital Anthropology: Theoretical and Applied Aspects”.

For citation: Penner R. V. From the subject to the agent in social and humanitarian discourses of the 21st century. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 393–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-393-397>, EDN: AFURMA
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Казавшееся устойчивым место человека в этом мире становится в XXI в. все более попираемым. На место, что занимал субъект, претендуют агенты, человеческой природой не обладающие. Буквально за последние 3 года эта агентность проявила себя на нескольких уровнях, в том числе на молекулярном (вирус COVID-19) и на институциональном (военная операция на Украине). Философ способен рефлексировать сложившуюся ситуацию. Следуя завету Д. Харауэй, в эпоху антропоцена, эпоху превосходства человека и одновременно острой нужды, которая спровоцирована этим превосходством, «мы должны мыслить» [1, с. 186].

Оптика философской рефлексии может быть обращена в сторону того, как устроен мир в третьем тысячелетии. Это устройство следует понимать не столько партикулярно, сколько во взаимосвязи с предшествующими периодами. В геологии возраст Земли определяется свыше четырех миллиардов лет. Все это время условно делят на два периода, от основания планеты (докембрий) до фанерозоя, т.е. времени так называемой «явной» жизни [2]. Человек и социум в XXI в. обитают в голоцене, геологическом периоде, что начался ориентировочно 12 тыс. лет назад [3]. Как полагают некоторые исследователи сегодня, голоцен есть переходная стадия между плейстоценом (2,5 млн лет назад), когда видовое превосходство на суше перешло от динозавров к мамонтам, а от них – к человеку [4], и антропоценом [5], когда формально превосходство остается за человеком, но все больше оспаривается агентами из мира природы и техники.

Теоретический анализ

«За пределами дома, между лесами и полями, щедрых даров все еще не перечесать», – так заканчивает свое эссе о грибах А. Цин [6, с. 245]. Один из ключевых тезисов эссе можно выразить формулой, согласно которой отношения человека с грибами презентуют модусы отношений человека с миром в ту или иную эпоху. Двигаясь по разметке Д. Харауэй, А. Цин изображает чистую радость практикующего так называемую «тихую охоту» при встрече со своей добычей, будь то лисичка, шампиньон или трюфель. Подобная радость возможна и фактически реализуется в эпоху капиталоцена, когда логика взаимоотношений человека и внешнего мира выстраивается на базе капиталистических ценностей. Смысл ее кроется в том, что я получаю благо, не вкладываясь в него, просто так. Такая

реакция оформлялась постепенно в историческом развитии социума. А. Цин заостряет свое внимание на отдельных событиях, которые, по ее мысли, повернули историю человечества в то русло, течение которого мы наблюдаем сегодня.

«Злаки одомашнили человека» есть первое событие в этой череде [6, с. 235]. Как и многие иные виды из животного мира, древние люди были существами номадическими. Они передвигались от плато к плато, реализуя процессы детерриторизации и ретерриторизации, в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в поисках оптимальной питательной среды [7]. Однако из всего видового многообразия человек сосредоточивает свое внимание на двух–трех культурах и занимается их культивацией. Каких-то прозрачных причин, почему подобное произошло, А. Цин не называет (возможно, это не входило в ее исследовательские задачи), но с этим событием она связывает цепочку следствий, которые стимулировали зарождение первых цивилизаций. Номадический тип ведения хозяйства постепенно заменяется оседлыми формами. Человек и социум уже не столько ориентированы на дары природы, сколько нацелены на их культивацию и умножение. Это формирует потребность в зарождении семьи (члены которой занимаются обработкой полей), частной собственности (сами поля и создаваемый на них урожай) и государства (некий левиафан, стоящий на страже частной собственности и получающий за эту стражу «десятину»).

Другим значимым для А. Цин событием является европейская колонизация. Попадание европейцев на материк с иным климатом открывало им доступ к иным сельскохозяйственным культурам, например к сахару. Помимо прочего, в питательной среде, насыщенной грибными бактериями, сахар начинает «бродить». Посредством фиксации брожения и установления контроля над ним европейцы изобрели ром, который использовался в том числе как своеобразная обменная валюта внутри европейского рынка и за его пределами (в частности на рынке рабов). Колонизация позволила базовой ячейке общества выйти за пределы государственных рамок и поддерживать влияние Европы на других континентах (Азия, Африка, Америка) посредством калькирования форм социального (патриархального) взаимодействия. Таким образом, семья, частная собственность и государство стали теми фундаментальными структурами, которые составляют оплот капитализма в наше время. Они определяли оптику видения и понимания человека, общества и всего внешнего мира, который помещался между

полюсами, одомашненный и дикий, другой. Однако эта оптика становится все более расфокусированной в XXI в.

Источником понимания человека и окружающего его мира на сегодня пока остается сам человек. Как и окружающий его мир, он является становящейся, изменяющейся единицей. Д. Харауэй фиксирует эти изменения в терминологии «монструозного киборганического образования с денатурированной идентичностью» [1, с. 12]. Наверное, Д. Харауэй одна из первых стала сравнивать человека с нечеловеческими агентами, будь то киборг [8] или онкомышь [цит. по: 9, с. 144]. Постгуманистическую призму видения и понимания человека вслед за Д. Харауэй подхватила Р. Брайдотти: «По сути, Я – это подвижная и странствующая сборка в рамках общего жизненного пространства ... Для постгуманистической теории субъект является трансверсальной сущностью, полностью погруженной в сеть не-человеческих отношений (с животными, растениями, вирусами) и имманентной этой сети. Воплощенный субъект, центром которого является зое, пронизан отношениями и связями контаминирующего (вирусного) технологического типа, которые связывают его с многообразием других: начиная от энвайронментальных и экологических других и заканчивая технологическим диспозитивом» [10, с. 36–37]. Подобный переход понимающей оптики с bios'a на зое стал возможен по Р. Брайдотти в том числе в связи с распространением медиа, в XXI в. прежде всего – цифровых медиа, что способствуют пересмотру классических категорий существования и присутствия. «Облачная» реальность в условиях цифры, с одной стороны, утверждает множественность форм и способов существования человека, которые во все большей степени организуют текст, не предметный мир; с другой стороны, она легитимирует статус не-человеков как равных человеку агентов. В цифровом контексте агентность представлена технической и технологической природами (сети, гаджеты, приложения, сайты и пр.). Вместе с тем так называемые квир-исследователи утверждают агентность за пределами цифры.

К. Барад является одним из ключевых авторов, обосновывающих концепцию агентности как проблематику квир-исследований. Тематика «квир» все громче звучит в социальных и гуманитарных исследованиях. Изначально термин «квир» (с англ. queer – странный, иной, другой) употреблялся в контексте размышлений о гендерной идентичности, в репрезентации сексуальных предпочтений. С 1990-х гг. термин все чаще появляется в работах исследователей фе-

министской ориентации, размышления которых выходят за рамки гендера, в сферы культуры и науки. Р. Брайдотти, помимо прочего, предлагает постгуманистическую концепцию, провозглашающую конец гуманитарных исследовательских практик с их европоцентристской маскулинной ориентацией [9]. Им на смену приходят исследования, фокус внимания которых сосредоточен на ином: женщинах, колониальных народах, природе, цифре и многом другом.

Современного человека невозможно зафиксировать как «готовый продукт». Он становящийся, изменяющийся и текучий, почти как насос, который использовал Б. Латур для иллюстрации агента-не-человека, организующего социальную сеть, в контексте акторно-сетевой теории. Б. Латур обратился к работе А. Мол и М. де Лаэт, изучающих быт африканских деревень [11]. В фокус их исследования попала модель насоса, распространенная в деревнях Зимбабве – «втулочный насос типа В. П. Моргана». В сравнении с другими моделями насос П. Моргана приспособливается и подстраивается под тип и форму почвы, куда его устанавливают. В связи с этим Б. Латур приходит к выводу о текучести идентичности агентов, способных адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Идентичность агентов АСТ, впрочем, как и иных объектов квир-исследований, изменчива, множественна, гибка и адаптивна.

Работу «Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость» К. Барад открывает вопросом: почему слова и дискурсивные практики на современном историческом этапе обладают большей социальной ценностью в сравнении с материей как таковой? С целью восстановить материальное в своих «правах» К. Барад использует идею Н. Бора о лабораторных приборах как важной составляющей научных открытий в физике XX в.

В качестве иллюстративного материала презентуются кейсы из истории квантовой физики, в том числе прибор Штерна-Герлаха. Аппарат был построен с целью выяснить, обладает ли электрон квантовой природой. На протяжении длительного времени экспериментаторы не наблюдали динамики. В то время О. Штерн занимал должность ассистента профессора в Институте экспериментальной физики. Его небольшой зарплаты хватало только на сигары с высоким содержанием серы. После очередного «неудачного» эксперимента, близко поднеся к лицу пластину на выходе прибора, где экспериментаторы ожидали увидеть следы атомов серебра, О. Штерн к своему удивлению обнаружил почернения: сульфид серебра окислился серой.

К. Барад выводит из этой истории идею агентности сигары. «При агентно-реалистском подходе агентность сходит со своей традиционной гуманистической орбиты. Агентность не подводится под человеческую интенциональность и субъективность» [12, с. 99]. Агентность указывает на мир во всем его разнообразии, в его сборках и реконфигурациях. Мир, в свою очередь, слишком сложен для того, чтобы его откалибровать по человеку. В агентно-реалистском подходе К. Барад смещает фокус внимания с интерактивности объектов как самостоятельных сущностей на интраактивность агентов как феноменов из онтологической неразделимости, реализующих себя в становлении.

Идея квивр'а, странности попадает сегодня в отечественные разработки. К примеру, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонова обращаются к феномену «странное время» сквозь призму социальных и темпоральных практик из сетевого контекста (с целью терминологической достоверности следует уточнить, что в работе вышеназванных авторов «странность» и «странный» отсылают к англ. “weird”, не “queer”). С позиции философов пересекается идея о том, что мы нуждаемся в обновленной исследовательской оптике, в условиях «отстранения от наличного физического и исторического времени» и одновременно во взаимодействии «со странными сетевыми объектами» [13, с. 50].

Заключение

С того времени, когда человек стал ориентироваться на оседлый образ ведения хозяйства, он все активнее изменял мир вокруг себя. Гомогенное пространство сменилось гетерогенным, слоистым, иерархию слоям которого задавал (впрочем, продолжает задавать) человек. С того времени человек прочно обосновался на «троне» бытия; видение мира формировалось сквозь антропоморфную призму, сквозь нее же задавался функционал мира. Однако со второй половины XX в. на место начала, «организующего» внешнее бытие, помимо человека, претендуют агенты, не обладающие человеческой природой. Таким агентам была и остается природа. Таким агентом стали техника и технологии. Кажется, что уже не человек организует мир вокруг себя. Современные, в том числе цифровые, технологии задают ритмику в организации социального. Наглядно это продемонстрировала пандемия COVID-19 и, прежде всего, период самоизоляции, когда большинство контактов человека с внешним миром и сама структура повседневного были переведены из режима «офлайн» в режим «онлайн».

В одной из своих работ Д. Харауэй формулирует дискуссионный тезис, согласно которому «человек, созданный по образу исчезнувшего бога, в своем секулярно-сакральном восхождении приобретает сверхспособности только затем, чтобы снова закончить трагическим бессилием» [1, с. 201]. Обращение к агентности в актуальных социальных и гуманитарных дискурсах не отменяет человека. Напротив, это обращение может помочь человеку откалибровать оптику, которая сместит с него фокус наблюдения и понимания и одновременно включит его в систему сложных взаимосвязей с внешним миром.

Список литературы

1. Харауэй Д. Тентакулярное мышление // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 180–228.
2. Zhang Y. The age and accretion of the Earth // *Earth Science Reviews*. 2002. № 59, iss. 1–4. P. 235–263.
3. Roberts N. The Holocene: An environmental history. New York : John Wiley & Sons, 2014. 376 p.
4. Elias S. A. Encyclopedia of Quaternary Science. Amsterdam : Elsevier, 2013. 3576 p.
5. Moore J. W. Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London : Verso, 2015. 336 p.
6. Цин А. Непослушные края // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 228–251.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория; М. : Астрель, 2010. 895 с.
8. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М. : AdMarginem, 2017. 128 с.
9. Брайдопти Р. Постчеловек. М. : Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
10. Брайдопти Р. Критическая постгуманитаристика // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 24–41.
11. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // *Логос*. 2017. Т. 27, № 2 (117). С. 95–156.
12. Барад К. Агентный реализм // *Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология* / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. М. : V-A-C press, 2018. С. 42–121.
13. Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 63. С. 43–52. <https://doi.org/10.17223-199886XXX-63-5>

References

1. Haraway D. Tentacular thinking. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 180–228 (in Russian).
2. Zhang Y. The age and accretion of the Earth. *Earth-Science Reviews*, 2002, no. 59, iss. 1–4, pp. 235–263.
3. Roberts N. *The Holocene: An Environmental History*. New York, John Wiley & Sons, 2014. 376 p.
4. Elias S. A. *Encyclopedia of Quaternary Science*. Amsterdam, Elsevier, 2013. 3576 p.
5. Moore J. W. *Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital*. London, Verso, 2015. 336 p.
6. Tsing A. Unruly Edges. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 228–251 (in Russian).
7. Deleuze J., Guattari F. *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg, U-Factoria Publ., Moscow, Astrel Publ., 2010. 895 p. (in Russian).
8. Haraway D. *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskij feminizm 1980-kh* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s]. Moscow, AdMarginem, 2017. 128 p. (in Russian).
9. Braidotti R. *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (in Russian).
10. Braidotti R. A Theoretical Framework for the Critical Posthumanities. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 24–41 (in Russian).
11. Latour B. Visualization and cognition: depicting things together. *Logos*, 2017, vol. 27, no. 2 (117), pp. 95–156 (in Russian).
12. Barad K. Agential realism. In: M. Kramar, K. Sarkisov, eds. *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva. Antologiya* [Experiences of Inhuman Hospitality. An Anthology]. Moscow, V-A-C press, 2018, pp. 42–121 (in Russian).
13. Tikhonova S. V., Artamonov D. S. Weird time in object-oriented ontology: Harman and Latour. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 2021, no. 63, pp. 43–52 (in Russian). <https://doi.org/10.17223-199886XXX-63-5>

Поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 10.09.2022; принята к публикации 17.10.2022
The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 10.09.2022; accepted for publication 17.10.2022